

7. Пушкін, І.А. Удзел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919–1990 гады). Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2010.

8. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 2 / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т. истории / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2014.

9. Трафімчык, А.В. 1939 год і Беларусь: забытая вайна. Мінск: Выдавец А. М. Янушкевіч, 2014.

10. Царюк, И.О. КПБ – организатор культурного строительства в западных областях Белоруссии (1939–1955 гг.). Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1969.

УДК 94:327(47+57)"1939"

БЕЛОРУССКИЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РЕГИОНЕ СЕВЕРНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ ЛИНИИ КЕРЗОНА (АВГУСТ – ОКТЯБРЬ 1939 г.)

А.П. Сальков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

Линия Керзона, использовавшаяся как геополитический аргумент для определения государственных границ в Восточной Европе, вызывала наибольшие противоречия в регионе ее северной оконечности. Белорусский этнополитический фактор играл существенную роль в развитии политического кризиса августа – сентября 1939 г., сопровождавшегося трансформацией государственных и административных границ.

Ключевые слова: линия Керзона; этническая граница белорусов; сентябрь 1939 г.

БЕЛАРУСКІ ЭТНАПАЛІТЫЧНЫ ФАКТАР У РЭГІЁНЕ ПАЎНОЧНАЙ КАНЕЧНАСЦІ ЛІНІІ КЕРЗОНА (ЖНІВЕНЬ – КАСТРЫЧНІК 1939 г.)

А.П. Салькоў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
anatsalkov@mail.ru*

Лінія Керзона, якая выкарыстоўвалася як геапалітычны аргумент для вызначэння дзяржаўных меж ва Усходняй Еўропе, выклікала найбольшыя супярэчнасці ў рэгіёне яе паўночнага ўскрайка. Беларускі этнаполітычны фактар адыгрываў істотную ролю ў развіцці палітычнага крызісу жніўня –

верасня 1939 г., які суправаджаўся трансфармацыяй дзяржаўных і адміністрацыйных меж.

Ключавыя словы: *лінія Керзона; этнічная мяжа беларусаў; верасень 1939 г.*

BELARUSIAN ETHNOPOLITICAL FACTOR IN THE REGION OF THE NORTHERN PART OF THE CURZON LINE (AUGUST – OCTOBER 1939)

A. Salkov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Ave., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
anatsalkov@mail.ru*

The Curzon Line, used as a geopolitical argument for defining state borders in Eastern Europe, caused the greatest controversy in the region of its northern tip. The Belarusian ethnopolitical factor played a significant role in the development of the political crisis of August - September 1939, accompanied by the transformation of state and administrative borders.

Keywords: *Curzon line; ethnic border of Belarusians; September 1939.*

Белорусский компонент играл значительную роль в исторически сложившемся Восточноевропейском узле национально-территориальных противоречий, включавшем набор масштабных и локальных конфликтов. Все они в той или иной мере были связаны с польско-советской демаркационной линией, предложенной в телеграмме Джорджа Керзона Совнаркому 11 июля и отклоненной Москвой 17 июля 1920 г. В данный узел, порождавший напряженность на протяжении всего межвоенного и периода Второй мировой войны, входили Западная Беларусь [1, с. 215–227], Виленский край [2, с. 70–74], Восточная Пруссия [3, с. 26–34], Мемельский край [4, с. 46–57], Западная Украина [5, с. 192–200].

Традиционной остротой отличались противоречия в регионе у северной оконечности линии Керзона. Кайзеровскую Германию с ее Восточно-прусского плацдарма еще в годы Первой мировой войны интересовали северо-западные белорусские земли. К 1939 г. этот интерес возобновился. В начале года циркулировал некий план создания профашистского балтийского государства, которое включало бы в себя и Беларусь. Польский гегемонизм также продолжал влиять на обстановку. Хотя уже резко обострилась проблема Данцига и Коридора, в марте

1939 г. обсуждался польско-литовский военный союз с проектом возвращения Вильно Литве. Латвия в этой связи опасалась, что Польша прихватит и часть ее территории, обеспечив выход к морю через Либаву (*латыш.* Лиепая). Польская позиция в отношении Германии выражалась в формуле: «Если вам не нравится коридор, то отдайте нам Восточную Пруссию, и коридора не будет». 23 августа, в день подписания советского-германского договора о ненападении и секретного протокола о сферах влияния, советский полпред Н. И. Шаронов сообщал из Варшавы, что Польша ставит вопрос об объединении под своим началом Эстонии, Латвии и Литвы. Касательно последней мыслился как минимум союзный договор, как максимум – объединение с Польшей «на основе какой-то унии». 28 августа по инициативе СССР линия сфер влияния была уточнена и передвинута к р. Писса, что означало включение в советскую сферу Белосточкины [6, с. 142–143, 187, 208, 548, 568, 639–641, 670]. С началом войны уже Литва 12 сентября высказывалась о присоединения к ней «северо-восточной части Польши» (западно-белорусских земель Двинского коридора из четырех виленских поветов и всего Виленского края) для получения общей литовско-советской границы [7, с. 69].

Проблема Восточной Пруссии после сентября 1939 г. вступила в новую фазу развития. Важным участком новой западной границы СССР стал северо-западный отрезок формирующейся советско-германской границы. Еще 15–16 сентября в штабе 16 стрелкового корпуса было составлено Военно-географическое описание Польши, определявшее оперативное значение ее границ, рельеф, структуру вооруженных сил [8, л. 1–29]. Группировкам 3, 4, 10 и 11 армий ставилась задача к 5.00 17 сентября быть готовыми перейти государственную границу [9, л. 2; 10, л. 4]. 16 сентября в Смоленске был издан приказ Военного совета Белорусского фронта (создан 11 сентября), предписывавший реализовать «наш революционный долг и обязанность оказать безотлагательную помощь... братьям белорусам и украинцам, чтобы спасти их от угрозы разорения и избиения со стороны врагов» [10, л. 1].

В ходе советско-польской военной кампании (17 сентября – 5 октября 1939 г.) Красная Армия вышла к границам Восточной Пруссии. Командующий фронтом командарм 2-го ранга М. П. Ковалев приказал к исходу 18 сентября, наступая с северо-востока и юго-востока, овладеть Вильно. В этот день в 3-ю армию из штаба фронта поступил

приказ для авиации: не пересекать линию Белосток – Брест-Литовский, не бомбить их, нанося удары только к востоку от этой линии и «только по польским войскам». При встрече с частями вермахта выделенные командиры в каждой бригаде и полку должны были вести переговоры о том, «какие пункты оставляются немцами, о порядке их отхода и порядке занятия частями РККА» [10, л. 11–12].

В боевом приказе по штабу Белорусского фронта сообщалось, что по договоренности, начиная с 22 сентября, немецкие части отводятся на разграничительную линию: западный берег р. Писса до ее устья – западный берег р. Нарев до ее устья – правый берег р. Буг до ее устья – западный берег р. Висла до устья р. Сан – западный берег р. Сан до ее истока. 23–26 сентября ставилась задача овладеть районом Сейны – Сувалки – Августов с расчетом выйти на участок Пултуск – Варшава к исходу 5 октября [11, л. 13–14]. В соответствии с линией от 22 сентября, Сувалкская область отходила к СССР (единственно возможно в составе БССР).

Однако судьба региона попала в жернова глобальных геополитических резонов Москвы и Берлина. С одной стороны, Литва стала активным направлением советской внешней политики, с другой – позиция Москвы была направлена на ликвидацию Польши. Это обусловило инициативы наркома иностранных дел В. М. Молотова в беседах с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. Нарком 20 сентября предложил обсудить «судьбу польского государства». 25 сентября он поставил вопрос уже не об уточнении (как в случае с Белостоком от 28 августа), а о существенном изменении границы сфер интересов двух стран. Москва предложила сделать «обмен» – передать Германии из советской сферы Восточную Польшу (Люблинское и правобережную часть Варшавского воеводств с 4 млн польского населения). Соответственно Литва (менее 2 млн человек) из немецкой включалась бы в советскую сферу [12, с. 180–181]. В ходе переговоров с имперским министром иностранных дел И. Риббентропом 27–29 сентября, которые привели к подписанию германо-советского договора о дружбе и границе, Сталин добился поставленной цели, хотя в Германии уже прорабатывался вопрос о переходе Литвы под немецкое «покровительство» [7, с. 134–136].

Риббентроп, сославшись на нехватку в Германии таких важных ресурсов как нефть и лес, запросил территориальных уступок. На юге, в

Галиции, это был район нефтедобычи у Дрогобыча и Борислава в верхнем течении Сана, а на севере – обширные лесные массивы у Августова и Белостока. Касательно уступок на юге Сталин категорически заявил, что они исключены, так как украинцы никогда не откажутся от уже обещанного им. Что касалось уступок на севере, то Берлин увязал их с проблемой передачи Литвы в сферу советских интересов, делая акцент на том, что советские предложения о Восточной Польше «не содержат достаточного эквивалента за отказ Германии от Литвы или ее части». Поэтому при поисках компромисса Риббентроп предложил «найти путь, согласно которому Германия сможет увеличить свои восточно-пруссские районы за счет Литвы» и провел на карте линию, которую он считал приемлемой. Она проходила «от самой южной оконечности Литвы до Балтийского моря, а именно через всю Литву восточнее Ковно (он останется на советской стороне), дальше восточнее Гродно, включая Белосток». Сталин вынужден был пойти на уступки. Так, Германии передавался «выступ между Восточной Пруссией и Литвой с городом Сувалки до линии непосредственно севернее Августова, но не более того». Отклонив немецкие претензии на владение городом Августов, Сталин все же отодвинул границу, уступив северную часть Августовской пуши. Кроме того, Германии был передан выступ между реками Нарев и Буг в районе городов Остроленка, Пултуск, Вышково и Остров, который для Германии был неприемлемым. Поэтому Сталин повернул границу сразу к югу в направлении на Буг, не доходя Остроленки [7, с. 605–613].

Краткий текст немецкой записи этих переговоров был обнаружен в 1990 г. исследовательницей из ФРГ доктором И. Фляйшхауэр в личном архиве Ф. Шуленбурга (советская запись в Архиве внешней политики РФ отсутствует) [13].

Советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября обозначил новую демаркационную линию. 3 октября был издан боевой приказ штаба 4 армии, предписывавший отвод частей на линию, которая «еще не является точно определенной государственной границей»: р. Игорка – д. Волкушанка – граница с Восточной Пруссией – р. Писса до ее устья – восточный берег р. Нарев – Соколово – восточный берег р. Буг до устья р. Солокия [9, л. 60]. Заметим, что и незначительные персонажи подчас канализируют направление большой политики. 3 октября при расследовании ложного донесения о переходе немцами

разделительной линии встретились начальник штаба 2-ой стрелковой дивизии полковник Михайлов и германский подполковник Шпаге. Последний предложил конкретный план отвода советских частей, который с рядом уточнений и был осуществлен. Как следует из докладов начальника штаба и начальника политотдела 16 стрелкового корпуса Военному совету 11-ой армии, 4 октября (в погранкомендатуре у д. Филипув на германской стороне) и 6 октября (в Сувалках, которые в этот день оставили красноармейцы) прошли армейские переговоры об отводе советских войск с границ Литвы и Восточной Пруссии, вводе немецких войск на освобождаемую территорию и установлении временной советско-германской границы [14, л. 1–3, 7–8]. 9 октября в Сувалках договаривались об уточнении границы и ее начертании. В результате 5–9 октября части РККА отошли на линию: пункт юго-восточнее Пшеток – течение р. Волкушанки – д. Чарны Бруд – южная окраина Пруски Малой [14, л. 9–10, 23]. Однако даже после передачи Сувалкского выступа, оставался 100-километровый отрезок советско-германской границы в восточно-прусском регионе к северо-западу от западно-белорусских городов Кольно, Граево, Райград, Августов. 22 октября штаб Белорусского фронта сообщал в 4, 10 и 11 армии, что с 25 октября на участке фронта начнутся работы по демаркации границы [15, л. 249].

Вильно после боя за город 18–19 сентября был занят частями 3 и 11 армий. Здесь уже в третий раз был установлен советский контроль (после декабря 1918 – апреля 1919 г. и июля – сентября 1920 г.). Статус Вильно в качестве неофициальной столицы Западной Беларуси стал восприниматься в белорусских кругах как нечто само собой разумеющееся. Однако Литва, уже обреченная на советизацию, «в целях закрепления дружбы» получила по советско-литовскому договору от 10 октября 1939 г. Вильно и Виленскую область (6,9 тыс. кв. км, 490 тыс. человек) [16, с. 177]. 4 декабря была создана Белостокская область БССР, лежавшая западнее линии Керзона (упразднена 20 сентября 1944 г.). Оставленные районы Мазовии и Сувалок (16,2 тыс. кв. км с населением около 1 млн человек) в середине ноября 1939 г. были включены в состав Восточной Пруссии. Для этого был создан новый район Цихенау (с населением 854 тыс. человек), Сувалки с окрестностями (125 тыс. человек) включены в район Гумбинен,

остальная территория (26 тыс. человек) – в район Алленштейн [17, с. 161–163].

В пространной историко-этнографической справке НКВД БССР «К вопросу о западной этнографической границе белорусов», датированной декабрем 1944 г. (составлена на базе подготовленной перед войной диссертации белорусского этнографа М. Я. Гринблата), констатировалось, что некоторые части исконно белорусской земли «очутились за границами, установленными в 1939 году». Документ обозначил крайний западный район расселения белорусов (по административному делению Российской империи) Гродненским, Сокольским, Белостокским и Бельским уездами Гродненской губернии, что определяло этнографическую границу белорусов с поляками [18, л. 7, 27–32]. Крайний северо-западный район расселения белорусов – два уезда Сувалкской губернии. Августовский уезд с преобладанием так называемых августовских белорусов (их численность преуменьшалась отождествлением со второй половины XIX в. с мазурами, причислением польскими переписями 1919 и 1921 гг. всех белорусов-католиков к полякам, а также «открытием» существования особой категории «православных поляков») и Сейненский уезд (в его юго-западной части по линии Сейны – Друскеники), который в целом имел преимущественное литовское население, что определяло этнографическую границу белорусов с литовцами [18, л. 35–36, 46–49, 56–57, 66–68]. В справке подчеркивалось, что белорусская этнографическая территория, включая большую часть Августовской пущи и сам Августов, простиралась на до границ Восточной Пруссии, и белорусы достигали ее «сплошной этнической массой». Они спорадически расселялись среди прусских мазур даже в пределах Восточной Пруссии – в уездах Марграбово, Лык, Бела, Иоганнесберг (часть этого населения переселилась сюда во время преследования униатов в России) [18, л. 71–72]. В книге Гринблата, изданной четверть века спустя, приведенных данных уже не имелось [19]. Положения справки НКВД вовсе не расходились с выводами академической науки. Авторитетные специалисты в области начертания этнической территории белорусов – А. Ф. Рицх (1875), Е. Ф. Карский (1903), М.В. Довнар-Запольский (1919) включали в нее Вильно, Белосток, Августов (кроме Карского).

Линия Керзона и этнографические границы поляков, белорусов, литовцев являлись этнополитическими аргументами при планировании границ в годы Второй мировой войны [20] и даже в начальный период послевоенного мирного урегулирования [21]. Отголоски этих проблем актуализировались в научной среде после трансформации границ в регионе в начале 1990-х гг., вызывая и поныне устойчивый общественный интерес.

Библиографические ссылки

1. Сальков, А. П. «Польский вопрос» и западная граница СССР (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.) // Российские и славянские исследования. Сб. ст. Вып. 1. Минск: БГУ, 2004. С. 215–227.
2. Сальков, А.П. Виленский конфликт в советско-польских противоречиях первой половины 1920-х гг. // Рижский договор: взгляд через столетие: сб. науч. ст. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 70–74.
3. Сальков А.П. Национально-территориальные противоречия в Прибалтийском регионе Восточной Европы (1918–1941 гг.) // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Серыя 3. 2003. № 3. С. 26–34.
4. Сальков А.П. Разработка Комиссии Литвинова «Мемельский вопрос» (апрель 1944 г.): взгляд из Москвы на послеверсальский литовско-германский территориальный конфликт // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г.: Матэр. з гісторыі польска-беларускіх адносін у XX ст.: Зб. навук. прац III міжнар. навук. канф. (Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г.). Мінск, 2012. С. 46–57.
5. Сальков А.П. Раздел или «неделимость» Польши: Западная Белоруссия и Западная Украина в дипломатической истории 1939–1941 гг. // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 6: Матер. междунар. научного семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей» (Пятигорск, 16–18 апреля 2004 г.). Ставрополь: СГУ, 2004. С. 192–200.
6. Документы внешней политики (далее: ДВП). 1939. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 1: январь – август. М. : Междунар. отношения, 1992.
7. ДВП. 1939. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 2: сентябрь – декабрь. М.: Междунар. отношения, 1992.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35086 (Коллекция документальных материалов по освобождению Западной Белоруссии). Оп. 1. Д. 558.
9. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 1.
10. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 12.
11. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 13.
12. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М. : Индрик, 1999.
13. Фляйшхауэр, И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1939–1939. М. : Прогресс, 1991.
14. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 210.

15. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21.
16. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 1997–2014. Т. 3: (1928 г. – чэрвень 1941 г.). 2001.
17. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. : РОССПЭН, 2000.
18. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 907 (МИД БССР). Оп. 1. Д. 2.
19. Гринблат, М. Я. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. Минск : Наука и техника, 1968.
20. Сальков, А. П. «Линия Керзона» как фактор международных отношений в годы Второй мировой войны // Рыжскі мірны дагавор 1921 года і лёсы народаў Усходняй Еўропы: Матэрыялы міжнар. навук.-тэарэтыч. канф. (Мінск, 16–17 сакавіка 2001 г.). Мінск : БДУ, 2001. С. 175–182.
21. Сальков, А. П. Сюжет о «линии Керзона» на I сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі: Матэр. міжнар. беларуска-польскага навуковага семінара. Сустрэча шостая. (Мінск, 5–6 красавіка 2002). Мінск : БДУ, 2002.

УДК 94(47).084.8

ТРАГЕДИЯ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т.И. Тарасенкова

*Государственный архив новейшей истории Смоленской области, ул. Ленина, 28,
214000, г. Смоленск, Россия, tata-tarasenkova@yandex.ru*

В статье автор анализирует документы Государственного архива новейшей истории Смоленской области о насилии нацистов над мирным населением на оккупированной территории Смоленской области в годы Великой Отечественной войны. Насилие было различным – уничтожение населения, организация карательных операций, создание тяжелых экономических условий, угон на принудительные работы, голод. Главная задача – показать целенаправленный характер политики уничтожения мирных жителей, провозглашенный и реализованный нацистами в годы войны, а также масштаб трагедии гражданского населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Смоленская область; оккупация; мирное население.